

КНИЖНЫЙ НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ СЕНЫ

SHAKESPEARE AND COMPANY

Bookstop

Bookstop

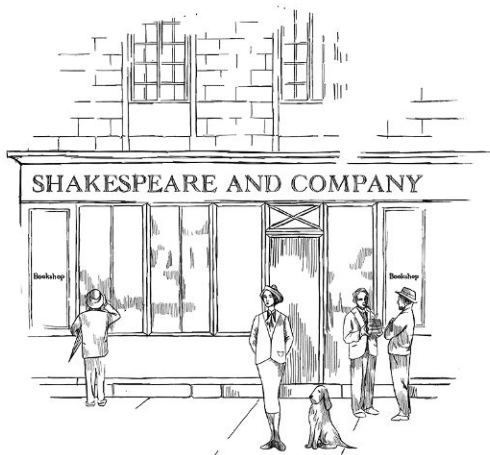
КЕРРИ МЕЙЕР

ПЕРЕВОД ЕЛЕНЬ ЛАЛАЯН

18+

роман

МИОО

*Pour mes amis** — близким и дальним, старинным и новым.
Вашими стараниями состоялась эта книга.

* Моим друзьям (франц.).

*Париж так прекрасен, что утоляет тот голод,
который никогда не покидает тебя в Америке.*

Эрнест Хемингуэй

ЧАСТЬ 1

1917-1920

*...знаменитости, они ведь таковыми не родились.
Все и всегда начинают с безвестности.*

Адриенна Монье

ГЛАВА 1

Тут вряд ли обманешься, Париж и был *тем самым* местом.

Уже пятнадцать лет, как Сильвия стремилась вернуться сюда, еще с той далекой поры, когда семейство Бич покинуло город, — тогда ее отец, Сильвестр, был пастором Американской церкви в Латинском квартале, а сама она — полной грез девчонкой-подростком, которая никак не могла пресытиться Бальзаком и кассуле. Что запомнилось ей вернее всего и что она хранила в сердце, когда семье пришлось вернуться в Соединенные Штаты, так это ощущение, будто французская столица способна затмить своим блеском любой из городов, какие она повидала или повидает в будущем. Но не сверкающий свет газовых фонарей, которые город зажигал с наступлением темноты, был тому причиной, и не сияние белого камня, одевающего стены городских зданий, — нет, блеск Парижу придавало кипение его жизни, она журчала в каждом его фонтане, искрилась в каждой студенческой пирушке, в каждом кукольном представлении в Люксембургском саду и в каждой опере на сцене театра «Одеон». И еще то, как искрилась жизнью мать Сильвии, как увлеченно она читала книги, принимала у себя профессоров, политиков и актеров, подавая им дорогие блюда, блистающие при

свете свечей, на званых обедах, за которыми не иссякали оживленные споры о литературе и мировых событиях. Недаром Элеанора Бич говорила своим трем дочерям — Киприан, Сильвии и Холли, — что они живут в самом редкостном и восхитительном из всех мест на свете и что этот город непременно и навсегда изменит их судьбы.

Ничто прежде не шло в сравнение с парижской жизнью: ни как они с сестрами и матерью рисовали плакаты, обзванивали и обходили нью-йоркские дома с агитацией за Национальную женскую партию* в Нью-Йорке; ни путешествия Сильвии в одиночку по Европе, где она упивалась красотой шпилей и брусчатых мостовых; ни ее первый долгожданный поцелуй с одноклассницей Джеммой Бредфорд; ни похвалы из уст любимых учителей.

Но теперь она здесь и наяву *живет* в городе, давно уже пленившем ее душу.

Из комнат, что она делила с Киприан в потрясающем великолепии, пускай и осыпавшемся Пале-Рояле, Сильвия спустилась к мосту Пон-Нёф и перешла на тот берег Сены, вдыхая ветер с реки, хлеставший остриженными прядями ее волос по лицу и норовивший затушить ее сигарету. Посередине моста она остановилась, чтобы оглянуться на восток и восхититься громадой собора Нотр-Дам-де-Пари с его симметричными готическими башнями по обе стороны от витражного окна-розы и изящными, такими непрочными на вид контрфорсами, чья мощь по-прежнему ошеломляла ее, — умудряются же они на протяжении веков поддерживать эти исполинские стены.

Вскоре она углубилась в узенькие улочки Латинского квартала, знакомые ей со времен, когда она бродила здесь в нежном отрочестве. Теперь она немного заблудилась, но так было даже лучше, потому что у нее появился повод

* Созданная в 1916 году Национальная женская партия прежде всего боролась за принятие конституционной поправки, гарантирующей женщинам избирательное право на всей территории Соединенных Штатов. Распущена 1 января 2021 года. *Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.*

полюбоваться церковью Сен-Жермен-де-Пре и спросить дорогу у милостивой студентки-француженки, попивающей кофе со сливками за столиком на тротуаре перед кафе «Дё маго». Наконец Сильвия остановилась у дома 7 по улице Одеон, где располагалась книжная лавка А. Монье.

Фасад магазинчика мадам — или, *peut être**, мадемуазель? — Монье был выкрашен в приятный глазу оттенок серого, над большими витринными окнами бледными буквами было выведено имя владелицы. Сильвия толкнула дверь, и над нею приветливо звякнул колокольчик. Горстка посетителей терялась среди полок, высившихся от пола до самого потолка и плотно уставленных книгами; люди читали их или просматривали корешки, но никто не разговаривал, поэтому здесь царил безмолвие, какое бывает в пустой церкви. Вдруг почувствовав смущение и не решившись задать вопрос, Сильвия огляделась по сторонам и решила с ним повременить.

И очень хорошо сделала, потому что обнаружила на полках чудесные издания своих любимых французских романов и почти целиком прочитала короткий рассказ в последнем выпуске «Вер э проз»** к тому моменту, как атмосфера лавки ожила. Посетителям со звоном и лязгом пробивали покупки, в магазин зашли две-три пары пословоохотливее, и помещение наполнилось звуками.

Вытащив с полки книгу, которую она решила купить вместе с заинтересовавшим ее номером журнала, Сильвия подошла к столу, где громоздился латунный кассовый аппарат, а за ним стояла необыкновенная молодая женщина примерно ее лет. Улыбчивые, изящной формы губы, средиземноморской голубизны глаза и разительный контраст белейшей кожи с волосами цвета воронова крыла невольно приковывали взгляд. В голове у Сильвии

* Быть может (*франц.*).

** *Vers et Prose* — литературный журнал (1905—1914), был основан и издавался французским поэтом, реформатором литературы и представителем символизма Полем Фором вместе с Гийомом Аполлинером; публиковал произведения Поля Валери и других значимых поэтов-символистов.

тут же зазвучал едкий голосок Киприан, которая непременно раскритиковала бы старомодный наряд этой женщины: юбку до пят и застегнутую на все пуговицы блузу, нарочито скромную, едва скрывающую спрятанную под ними соблазнительную фигуру, — ну и пускай, зато Сильвии в ней нравилось все. Она казалась той, с кем можно поговорить. Правда, было в ней и что-то такое особенное, отчего Сильвию охватило сильнейшее желание погладить ее бархатистую щеку.

— Ну что, нашли вы... предмет своих желаний? — спросила она Сильвию, выговаривая английские слова с сильным акцентом.

— Предмет моих желаний? — Сильвия улыбнулась истинно французской пылкости в простом вопросе молодой женщины и ответила ей по-французски: — Да, нашла, хотя я огорчена, ведь вы сразу распознали, что я не француженка.

Сильвия обладала хорошими способностями к языкам и бегло изъяснялась на трех. И была вознаграждена тем, какое впечатление ее французское произношение, судя по всему, произвело на женщину.

— Откуда вы? — спросила та, на сей раз по-французски, употребив церемонное *vous*.

— Из Соединенных Штатов. Если точнее, из Принстона в штате Нью-Джерси, это недалеко от Нью-Йорка. И кстати, меня зовут Сильвия. Сильвия Бич.

Молодая женщина захлопала в ладоши и воскликнула:

— О, *Les États-Unis!** Родина Бенджамина Франклина! А ведь он мой любимчик! Я Адриенна Монье.

Сильвия даже рассмеялась от того, как идеально дополняло образ этой прелестной девушки в старомодных одеждах восхищение отцом-основателем, которого так высоко ставила и она сама. И конечно же, перед ней мадемуазель, а совсем не мадам.

— Рада знакомству, мадемуазель Монье. У вас замечательный магазин, особенный. И да, я тоже поклонница

* Соединенные Штаты (франц.).